

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА НАКАНУНЕ 14 ДЕКАБРЯ

(ПО НЕИЗДАННЫМ ПИСЬМАМ А. Е. ИЗМАЙЛОВА)

Сообщение М. К. Константинова

В Рукописном отделе Института русской литературы хранятся письма А. Е. Измайлова к его двоюродному племяннику, Павлу Лукьяновичу Яковлеву¹. П. Л. Яковлев (родной брат М. Л. Яковлева, лицейского товарища Пушкина и Кюхельбекера) — второстепенный литератор двадцатых-тридцатых годов. Письма Измайлова к Яковлеву — интересный памятник литературной жизни первой четверти XIX в. Исследователи уже не раз обращались к ним. Были опубликованы выдержки из писем, касающиеся восстания 14 декабря², выдержки, содержащие упоминания о Пушкине³, и выдержки на разные литературные темы⁴. В этих же письмах встречаются упоминания о Кюхельбекере, представляющие несомненный интерес: они освещают некоторые моменты биографии поэта-декабриста, в частности последние месяцы его жизни на свободе.

Подлинной дружеской близости между Кюхельбекером и Измайловым, конечно, не было и не могло быть. Измайлов плохо представлял себе внутренний мир Кюхельбекера и не догадывался о том, что Кюхельбекер связан с революционной организацией; узнав об участии поэта в восстании 14 декабря, он был глубоко поражен. Измайлова и Кюхельбекера сближали литературные интересы — и только.

Знакомство Кюхельбекера с Измайловым состоялось вскоре после выхода Кюхельбекера из Лицея. По всей вероятности, познакомил их М. Л. Яковлев. С 1818 г. Измайлов начал издавать журнал «Благонамеренный», и бывшие лицеисты на первых порах энергично поддерживали молодой литературный орган. В «Благонамеренном» сотрудничали Дельвиг, Илличевский, М. Яковлев, Кюхельбекер; поместил в журнале одно стихотворение и Пушкин⁵. Стихотворение Кюхельбекера («Осень») появилось в первом же номере журнала. В 1818 г. Кюхельбекер напечатал у Измайлова восемь стихотворений; однако, по мере того, как литературная и общественная позиция «Благонамеренного» вырисовывалась все яснее, участие Кюхельбекера и его друзей в журнале сделалось менее активным — впрочем, оно никогда не прекращалось. После 1820 г. Кюхельбекер не напечатал в журнале Измайлова ни одного стихотворения, но нередко пользовался (как и другие литераторы его круга) страницами «Благонамеренного» для критических выступлений и журнальной полемики. В 1822 г. он поместил в журнале обширный разбор поэмы С. Боброва «Херсонида»⁶. Эта статья имела большое принципиально-теоретическое значение: в ней впервые были обоснованы критические воззрения Кюхельбекера на проблему поэтического языка. А в 1824 г. Кюхельбекер выступил в том же журнале с полемической статьей против критици

«Сына отечества» («Ответ г. С... на его разбор I-й части „Мнемозины“, помещенный в 15 № „Сына отечества“») ⁷. Следует добавить, что сотрудничество Кюхельбекера в «Благонамеренном» очень неполно отражено в литературе. В «Библиографии» Н. М. Ченцова из одиннадцати стихотворений Кюхельбекера, напечатанных в «Благонамеренном» за 1818—1820 гг., отмечено только одно; в наиболее полном издании стихотворений Кюхельбекера (под редакцией Ю. Н. Тынянова) не учтены стихи, помещенные в «Благонамеренном» в 1819 г. Между тем в 1819 г. там были опубликованы два очень примечательных стихотворения Кюхельбекера: «Мечта» («Один над озером вечернею порою») ⁸ и «Вакхическая песнь» («Что мне до стишков любезных») ⁹. Не включено в издание, вышедшее под редакцией Тынянова, и одно стихотворение 1818 г. — «К соловью» («Звуками сладости») ¹⁰. Критические же статьи Кюхельбекера, опубликованные в «Благонамеренном», в большей своей части не учтены и забыты.

Кюхельбекер часто встречался с Измайловым в известном салоне С. Д. Пономаревой, постоянным посетителем которого был и П. Л. Яковлев ¹¹. По свидетельству В. И. Панаева (впрочем, не вполне достоверному), именно П. Л. Яковлев ввел в салон Пономаревой и своего дядю, Измайлова, и лицейских друзей своего брата: Дельвига и Кюхельбекера. В 1817—1820 гг. П. Л. Яковлев стоял очень близко к кругу друзей Пушкина. В мае 1820 г. он вместе с Дельвигом провожал отправлявшегося в изгнание Пушкина до Царского села.

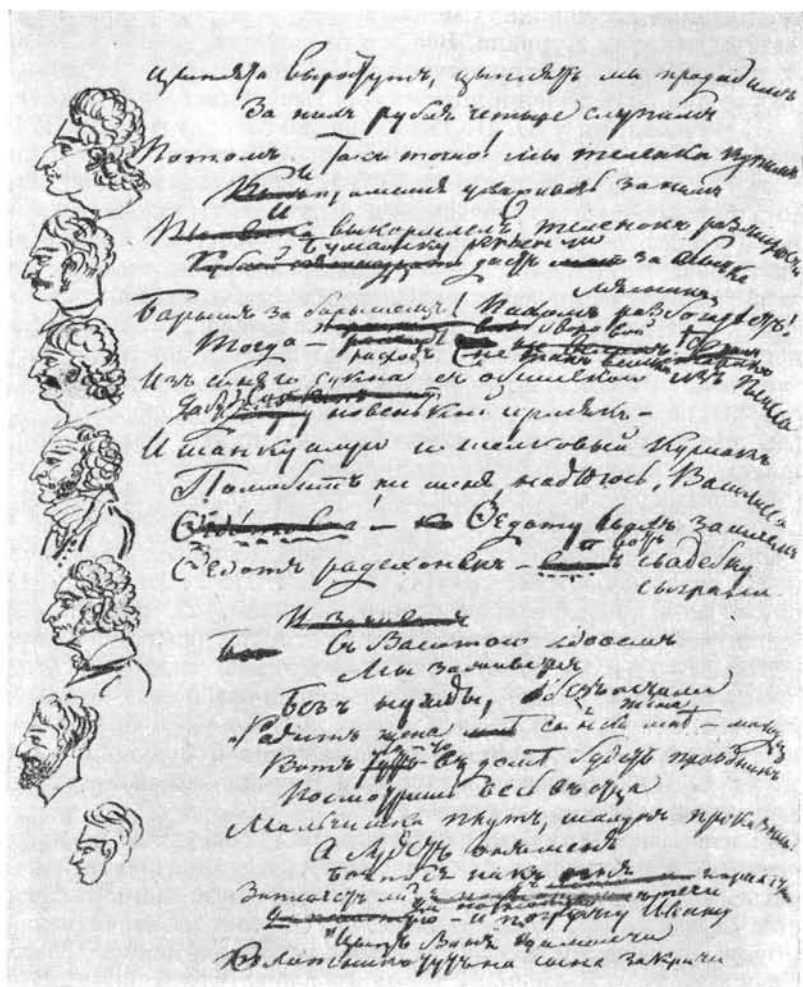
В 1820 г. П. Л. Яковлев был назначен секретарем российской миссии в Бухаре и временно покинул Петербург. Тогда-то и началась его интенсивная переписка с Измайловым. Переписка сохранилась только в одной своей части: известны лишь письма Измайлова, ответные письма Яковлева утрачены. В письме от 13 сентября 1820 г. впервые встречается имя Кюхельбекера: «Вильгельм» Кюхельбекер уехал отсюда в чужие края с А. Л. Нарышкиным...» и т. д. ¹²

В экспедиции Яковлев пробыл недолго, — уже в следующем году он возвратился в Петербург, почти одновременно с приехавшим из-за границы Кюхельбекером. К этой поре относится, вероятно, и их наибольшая близость. 21 августа 1821 г. Кюхельбекер написал в альбом Яковлева несколько строк о себе: «Кюхельбекер — странная задача для самого себя — глуп и умен, легковверен и подозрителен; во многих отношениях слишком молод, в других — слишком стар; ленив и прилежен. Главный порок его — самолюбие: он чрезвычайно любит говорить, думать и писать о самом себе; вот почему все его пьесы довольно однообразны. Он искренно любит друзей своих, но огорчает их на каждом шагу. Он во многом переменялся и переменится, но в некоторых вещах всегда останется одним и тем же. Его желание, чтобы друзья о нем сказали: он — чудак, но мы охотно бываем с ним; мы осуждаем его за многое, но не перестанем быть к нему привязанными» ¹³. К этому же времени следует отнести карикатуры Яковлева на Кюхельбекера (см. выше стр. 349) и на Дельвига.

В конце 1822 г. П. Л. Яковлев снова на год покинул Петербург; осенью 1824 г. он перешел на службу в Москву, а оттуда — в Вятку, где находился с 1825 по 1827 г. Сохранившиеся письма Измайлова относятся главным образом к тому времени, когда Яковлев жил в Вятке.

Первое упоминание о Кюхельбекере встречается в письме от 20 ноября 1824 г. (адресованном еще в Москву), но в нем не содержится каких-либо фактических сведений о поэте, который тоже находился тогда в Москве. Измайлов называет имя Кюхельбекера лишь в связи с его полемической статьей в «Мнемозине», направленной против Булгарина («А славно отделили его <Булгарина> кн. Одоевский и Кюхельбекер. Вчера только выпросил я у Сленина „Мнемозину“ и не успел еще всю прочесть») ¹⁴. Чаше

встречается имя Кюхельбекера в письмах 1825 г., когда после трехлетнего отсутствия он снова возвратился в Петербург, претерпев многочисленные неудачи: «Мнемозина» принесла лишь новые материальные затруднения; поездка в Шотландию, где Кюхельбекеру предлагали должность «профессора русского и славянского языков», не состоялась; попытки

РИСУНКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ
БАСНИ «БЫЛ ПАРЕНЬ МОЛОДОЙ, ЛИХОЙ РАБОТНИК...», 1818—1819 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно (ранее в собрании Ю.-Н. Тынянова)

устроиться на какую-либо службу, соответствующую его интересам, оставались безрезультатными; вместе с тем рушились мечты о женитьбе на любимой девушке ¹⁵.

В поисках заработка, измученный нуждой, Кюхельбекер вынужден был в это время стать сотрудником «Сына отечества»; издатели этого журнала, Булгарин и Греч, в ту пору охотно предоставляли его страницы молодым литераторам прогрессивного лагеря. Греч и Булгарин быстро оценили Кюхельбекера и попытались превратить его в своего журнального поденщика. Одно время Кюхельбекер даже жил на квартире у Греча. Греч выпустил отдельным изданием «драматическую шутку» Кюхельбекера

«Шекспировы духи» и обещал издать том его стихов и прозы. Кюхельбекер, однако, плохо верил этим обещаниям; к тому же, вынужденная связь с беспринципными «литературными торгашами» все больше и больше тяготила его, и он усиленно искал путей для разрыва с ними. На этой почве и произошло его новое сближение с Измайловым. Кюхельбекер вновь сделался сотрудником «Благонамеренного», помог Измайлову организовать издание альманаха «Календарь муз» и вел с ним переговоры о совместном издании журнала. Все это выясняется из писем Измайлова.

Этот второй период сотрудничества Кюхельбекера в «Благонамеренном» совершенно не освещен в литературе. Нет никаких упоминаний о нем ни у Н. М. Ченцова, ни у Ю. Н. Тынянова; не говорит о нем и Н. И. Мордовченко в своем очерке критической деятельности Кюхельбекера¹⁶. Между тем Кюхельбекер поместил в 1825 г. в «Благонамеренном» за своей полной подписью большую рецензию на «Славянскую грамматику» Пенинского и «Древнюю историю» Арсеньева¹⁷. Рецензия эта чрезвычайно существенна для выяснения воззрений Кюхельбекера на историю русского языка и задачи изучения истории и должна быть отнесена к важнейшим памятникам литературного наследия Кюхельбекера.

В дальнейшем Кюхельбекер намеревался стать постоянным сотрудником журнала и занять в нем ведущее положение. Этот план, конечно, был совершенно нереален: союз с Измайловым — человеком, стоящим на иных литературных и политических позициях, неминуемо должен был распасться. Этот временный союз свидетельствует лишь о напряженных и страстных попытках Кюхельбекера найти для себя постоянную литературную трибуну¹⁸.

Первая встреча Измайлова с Кюхельбекером произошла вскоре после приезда Кюхельбекера в Петербург. 11 мая 1825 г. Измайлов сообщил Яковлеву несколько выписок из своего дневника. 27 апреля записано:

«Обедал у больного Никитина¹⁹, секр(етар)я Общ(ества) соревующих и встретил там — кого? Кюхельбекера! — Дик, но мил! Право, я люблю его: он благородный малый! Булгарин подличал перед ним и клялся ему в дружбе...»

Летом же состоялось, видимо, и соглашение о будущем постоянном сотрудничестве Кюхельбекера в журнале Измайлова. 16 августа Измайлов сообщал своему корреспонденту:

«...Сей час ушел от меня будущий мой сотрудник по журналу... угадай кто? — Вил(ьгельм) Кю(хельбекер). Этот благородный малый не мог ужиться с двумя литературными торгашами, которые, как говорит он, *имеют все достоинства, кроме честности*. Он сам вызвался издавать со мною с будущего года журнал на тех самых условиях, какие сделали с ним Греч и Бул(гарин). Я очень рад такому доброму товарищу. В случае, если получу вице-губернаторское место, передам ему совсем журнал, и он может иметь от него изрядный доход <...>

Козлов (слепец) обещал давать для Благона(меренного) свои пьесы, если я соединюсь с Кюхельбекером²⁰. Обещал также дать и для альманаха. Кюхельбекер хотел написать и к Пушкину»²¹.

Упоминание о вице-губернаторстве имело прямое основание. Измайлов усиленно хлопотал в это время об этой должности — и, несомненно, надежда на возможность в случае отъезда Измайлова сделаться полноправным хозяином журнала послужила основной причиной нового сближения Кюхельбекера с Измайловым.

Интересны сообщения о Кюхельбекере в письме Измайлова от 16 ноября 1825 г.:

«...Кюхельбекер едва ли будет моим сотрудником по журналу: он надеется получить при Черноморском флоте место... профессора словесности и будет читать лекции морским офицерам».

настоящее письмо. Сам А. Г. Цейтлин—сторонник «рылеевской версии»; его аргументацию можно дополнить и усилить весьма существенными соображениями.

Если бы Измайлов действительно был так хорошо «осведомлен», как предполагает В. Н. Орлов, то он, несомненно, знал бы и все подробности о дуэли и похоронах. Между тем его письма к Яковлеву доказывают, что об этих событиях он знал очень мало. О самой дуэли он сообщал своему корреспонденту 11 сентября: «Вчера утром был у нас на Выборгской стороне поединок. Какой-то Чернов вызвал на дуэль флигель-адъютанта Новосильцова за то, что тот отказался жениться на его сестре. Чернов попал Новосильцову в голову <...>, а Новосильцов Чернову в брюхо <...> К вечеру оба умерли. Рылеев был у Чернова секундантом и, кажется, еще А. Бестыжев, или, попросту сказать, Алексашка-Завирашка»²⁵.

Письмо это почему-то было отправлено не сразу, и на нем к словам «оба умерли» сделана сноска: «Не так. Чернов попал Новосильцову в брюхо, а Новосильцов Чернову в голову. Новосильцов жил после дуэли около недели, а Чернова похоронили 27 числа». Примечание 29 сентября».

Из этого письма видно, как далек был Измайлов от тех кругов, которые принимали ближайшее участие и в самой дуэли и в организации похорон. Он неправильно называет в числе секундантов А. А. Бестужева, не знает подробностей ранения и смерти дуэлянтов и совершенно не осведомлен об общественном характере похорон Чернова, организованных семеновскими офицерами. А между тем сведения о дуэли и похоронах были довольно широко распространены. Так, известный вестовик-сплетник К. Я. Булгаков писал брату: «Третьего дня встретил я великолепные похороны Чернова. Его хоронили офицеры семеновские на свой счет»²⁶. Жадно ловивший всякие слухи и аккуратно сообщавший их своему корреспонденту, Измайлов, конечно, не преминул бы сообщить и эти подробности, но он не знал их. Не слышал он ничего, как явствует из данного письма, и о стихах «На смерть Чернова», и о предсмертной записке Чернова. О стихотворении «На смерть Чернова» Измайлов узнал впервые лишь 16 ноября, то есть более чем через полтора месяца после похорон. Известно, что похороны Чернова имели значение политической демонстрации, что организаторы их широко рассылали приглашения, адресуя их лицам с определенной общественной репутацией. Измайлова среди приглашенных не было. Наконец, следует обратить внимание и на источник знакомства Измайлова со стихотворением «На смерть Чернова». Список стихотворения Измайлов получил не от самого Кюхельбекера, с которым в это время был близок, и не от кого-либо из лиц, принадлежащих к кругу будущих декабристов, — а от человека, чуждого передовым общественным кругам. Повторяем, все это не только не позволяет говорить о какой-то исключительно «осведомленности» Измайлова, но, наоборот, свидетельствует о том, что он совершенно не был в курсе событий: в частности, Измайлов ничего не знал о вызванном дуэлью общественном возбуждении.

То же письмо Измайлова (от 16 ноября 1825 г.), из которого мы узнаем о списке стихотворения «На смерть Чернова», пополняет наши сведения о намерении Кюхельбекера поступить на службу во флот. Об этом же намерении пишет Измайлов и в письме от 25 ноября: «<...> Участь Кюхельбекера еще не решена. Не известно, наверное, побудет ли он в Севастополе или нет. Обещается и в Севастополе быть мне верным сотрудником».

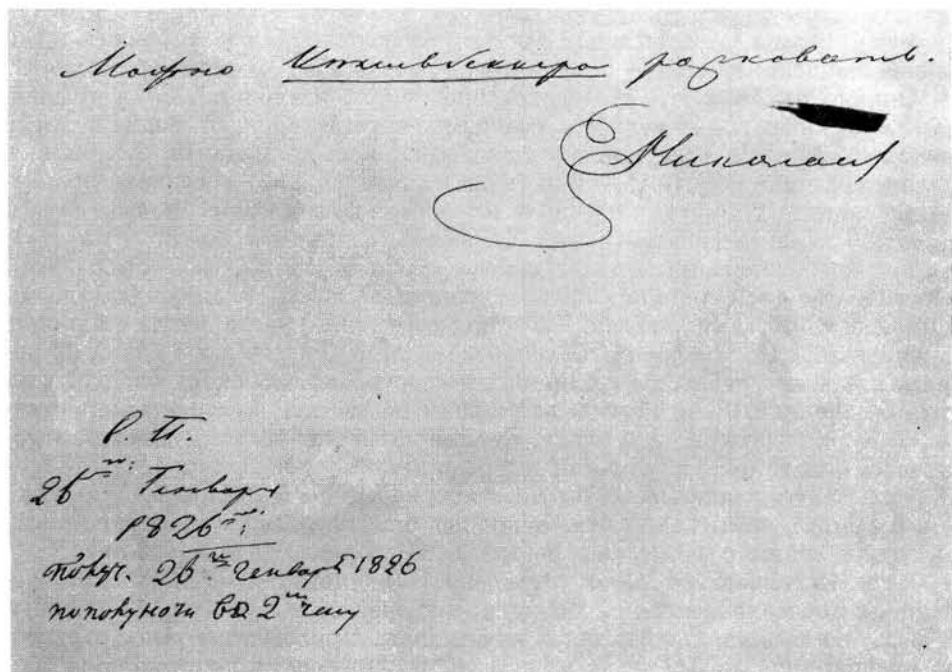
Эти планы и соответственные переговоры были, видимо, оборваны наступившими событиями. Но за десять дней до восстания Кюхельбекер писал матери: «Я почти уверен, что получу очень выгодное место в Крыму: это место профессора литературы, которое адмирал Грейг учреждает для

образования офицеров его ведомства. У меня сильная рекомендация адмирала Шишкова и Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола»²⁷.

Вот последнее упоминание имени Кюхельбекера, мелькнувшее в письмах Измайлова до 14 декабря:

«...В пятницу иду с Кюхельбекером к слепому и безногую поэту Козлову — за стихами для Календаря муз» (письмо от 26 ноября).

Это письмо позволяет установить активное участие Кюхельбекера в организации альманаха Измайлова «Календарь муз», что, в свою очередь, свидетельствует о том, что Кюхельбекер был деятельным сотрудником альманаха. В «Библиографии» Н. М. Ченцова о сотрудничестве

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ А. Я. СУКИНУ
С РАЗРЕШЕНИЕМ РАСКОВАТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Внизу помета рукой Сукина: «Получ. 26-го января 1826 по полуночи во 2-м часу»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кюхельбекера в «Календаре муз» не упомянуто; Ю. Н. Тынянов называет только три стихотворения Кюхельбекера, помещенные в альманахе; между тем вклад поэта в этот альманах в действительности был гораздо значительнее: он поместил в «Календаре муз» восемь стихотворений.

Имя Кюхельбекера в альманахе не названо, но под несколькими стихотворениями стоит подпись: «К.» и «К—ъ». В оглавлении все они сгруппированы вместе, как принадлежащие одному лицу, фамилия которого обозначена литерой К. Среди них имеются стихотворения, которые напечатаны без всякой подписи. Установить, чье имя скрыто под буквой К., не составляет труда: из восьми стихотворений этого цикла — пять известны как стихи Кюхельбекера. Три из них: «Надовесская похоронная песнь», «Молитва воина» и «Охотничья песнь» включены в собрание стихотворений Кюхельбекера под редакцией Ю. Н. Тынянова со ссылкой на «Календарь муз»; два стихотворения: «Первое раскаяние» и «К ***» («Так! Легко мутит мгновение») включены в это издание без ссылки. Стихотворение «К ***»

было «как неизданное» опубликовано Ю. Н. Тыняновым (по автографу) на страницах «Литературного наследства»²⁸ и отнесено (на основании «характерных особенностей стиха и языка») к периоду, наступившему непосредственно после окончания Лицея (1817—1818 гг.). В автографе оно первоначально было озаглавлено: «К другу». Ю. Н. Тынянов полагал, что адресовано оно Пушкину или Дельвигу.

В последней строфе Кюхельбекер писал:

Неразрывны наши узы!
В роковой, священный час,
Скорбь и радость, дружба, музы
Души сочетали в нас!

Эти строки Ю. Н. Тынянов считал решающими для датировки: «„Роковой священный час“ — повидимому, разлука по окончании Лицея».

Однако тот факт, что это стихотворение было опубликовано в «Календаре муз» накануне 14 декабря, позволяет поставить под сомнение и самый смысл стихов. Не содержат ли слова «роковой, священный час» намек на предстоящие события, — и в таком случае уместно поставить вопрос, не посвящено ли оно кому-либо из поэтов-декабристов, новых друзей Кюхельбекера: Одоевскому или Рылееву (вероятнее всего, Рылееву)?

Три стихотворения: «Надгробие» («Сажень земли, мое стяжанье»), «К радости» («Не порхай, летунья радость») и «К Филону» («Должно, Филон, и с тобою расстаться! Ты знал мое сердце») — не вошли ни в одно из собраний стихотворений Кюхельбекера и не указаны ни в одной из посвященных ему работ, но их принадлежность Кюхельбекеру следует считать бесспорной. Имя Филона заставляет вспомнить о неоконченной трагедии Кюхельбекера «Архилох». Первые наброски поэмы принято относить (на основании упоминания в дневнике и в черновых записях) к 1833—1834 гг.²⁹ Не свидетельствует ли стихотворение «К Филону» о каких-то более ранних замыслах поэта, обновившихся позднее, в крепости, когда он читал главы о греческих поэтах в «Истории Греции» Гиллиса?

Имя Кюхельбекера было устраниено Измайловым из альманаха, очевидно, в последний момент. Цензурное разрешение помечено 15 октября 1825 г., но альманах задержался печатанием. Приведенные выше отрывки из писем Измайлова свидетельствуют о том, что еще в конце ноября Кюхельбекер просил для альманаха стихов у Козлова. Альманах вышел в свет не ранее конца января 1826 г.; во всяком случае, еще 5 января Измайлов пересылал П. Л. Яковлеву в Вятку корректурные листы³⁰.

Альманах запоздал — и этой задержкой Измайлов воспользовался не только для изъятия имени Кюхельбекера, но и для некоторых дополнений. Ему удалось включить в «Календарь муз» два стихотворения, являющиеся непосредственными откликами на события 14 декабря: казенные вирши Бориса Федорова «На смерть Милорадовича» («Пал в славе от руки бесславной», — восклицал Федоров) и верноподданнические стихи некоего А. Севринова (сотрудника «Благонамеренного») «Подражание псалму XX», сопровождаемые многозначительной датой «15 декабря 1825 г.». Автор возносил хвалу «царю небесному» за чудесное спасение «царя земного» и выражал надежду, что «рука царя» найдет «преступных, злоумышляющих врагов», даже если они окажутся «в местах сокрытых, недоступных» (прямой намек на Кюхельбекера, о розыске которого уже были расклеены объявления); утверждал, что их «плод с лица земли сотрется», а сами они «смирятся» и «пожрут пламенем» и т. д. Таким образом, судьба и здесь «сыграла злую шутку» над «вечным неудачником», как именовали Кюхельбекера его друзья: альманах, в составлении которого он принимал столь деятельное и живое участие, альманах, где были помещены его собственные стихи, содержал и первое издевательство в стихах над ним

самим, над его ближайшими друзьями и над их великим подвигом³¹. Измайлов не только предоставил страницы своего альманаха для казенных виршей, в которых поносились декабристы, но и сам в письмах к Яковлеву издевался над Кюхельбекером, сообщая своему корреспонденту разные слухи и толки о 14 декабря³².

Как ни малочисленны упоминания о Кюхельбекере в письмах Измайлова, в совокупности они представляют все же немалый интерес, сообщая весьма существенные, неизвестные ранее, детали, ценные для биографии поэта-декабриста. Они значительно расширяют и сведения о его литературной деятельности накануне декабрьских событий и позволяют уточнить вопрос о составе его литературного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИРЛИ. Шифр 14163/LXXVIII, б. 7.

² М. К. Азадовский. 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова. — «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 238—248.

³ «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 35—36, 47—48, 50—52.

⁴ Пользовались выдержками из писем и комментаторы сочинений Рыльева (изд. «Библиотека поэта». Под ред. Ю. Г. Оксмана: Л., 1934, стр. 394), Дельвига («Библиотека поэта». Под ред. Б. В. Томашевского. Л., 1934, стр. 46, 61, 486), «Воспоминаний Бестужевых» (под ред. М. К. Азадовского. Л., 1951, стр. 697—698); одно письмо (содержащее легенду о «рогатом попе») опубликовано М. К. Азадовским в комментариях к «Русским народным сказкам А. Н. Афанасьева», т. II. Л.—М., 1938, стр. 629—630.

⁵ В «Благонамеренном» было опубликовано три стихотворения Пушкина: «Надпись к портрету В. А. Жуковского» (1818, № 7), «Молдавская песнь» (1821, № 10) и отрывок из «Кавказского пленника» (1822, № 36), но только первое стихотворение было передано в журнал непосредственно самим Пушкиным. «Молдавская песнь» появилась первоначально в «Сине отечества» (1821, № 15), но с ошибками, вследствие чего Пушкин разрешил перепечатать его в «Благонамеренном»; отрывок же из «Кавказского пленника» был перепечатан из вышедшего в свет отдельного издания поэмы.

⁶ «Благонамеренный», 1822, № 11, стр. 409—429 и № 12, стр. 453—465.

⁷ Там же, 1824, № 9, стр. 208—213.

⁸ «Благонамеренный», 1819, № 4, стр. 209; подпись: В. л. ч. л. м. («ч» — опечатка, вм. «г»).

⁹ Там же, № 7, стр. 11—12; подпись: Вильгельм К.

¹⁰ Там же, 1818, № 6, стр. 269; подпись: Вильгельм.

¹¹ Сводка биографических сведений о П. Л. Яковлеве (1796—1835) сделана в статье И. Н. Медведевой «Павел Лукьянович Яковлев и его альбом». — «Звенья», VI, 1936, стр. 101—133; там же дана характеристика его литературной деятельности.

¹² Эта выдержка приведена Б. В. Томашевским во вступительной статье к Полн. собр. стих. А. А. Дельвига («Библиотека поэта». Л., 1934, стр. 46), но с незначительной ошибкой: «удрал» вм. «уехал».

¹³ См. «Звенья», VI, стр. 128. — Альбом П. Л. Яковлева хранится в Рукописном отделении ИРЛИ (ф. № 244, оп. 1, № 32; цитированная запись Кюхельбекера находится на лл. 36 об. — 37).

¹⁴ Измайлов имеет в виду «Разговор с Ф. В. Булгариным» Кюхельбекера и «Прибавление к предыдущему Разговору, или Замечания на статью, напечатанную в № 38 „Сына отечества“ под заглавием: Журнальные статьи к. Одкоевск(о)го» («Мнемозина», ч. III, 1824, стр. 157—188).

¹⁵ См. Ю. Н. Тынянов. В. Кюхельбекер (По новым материалам). — «Лит. современник», 1938, № 10, стр. 192—193; Кюхельбекер, т. I, стр. XXXVIII—XXXIX.

¹⁶ Н. И. Мордовченко. В. К. Кюхельбекер как литературный критик. — «Ученые записки Ленинградского Гос. университета». Серия филолог. наук, вып. 13. 1948, стр. 60—100.

¹⁷ «Благонамеренный», 1825, № 37-38, стр. 335—350. Н. П. Колупанов утверждал, что Кюхельбекер поместил в «Благонамеренном» разбор «Евгения Онегина» (Н. П. Колупанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 539), но это ошибка: критический разбор первой песни «Евгения Онегина» был написан для «Благонамеренного» самим Измайловым.

¹⁸ Об отношении Кюхельбекера к Измайлову свидетельствует сохранившийся в рукописи набросок «Обозрения российской словесности 1824 года», написанный им, очевидно, еще до приезда в Петербург (опубликовано Б. В. Томашевским в сб.: «Литературные портфели», кн. 1. Время Пушкина. Пг., 1923, стр. 72—79). Точное заглавие

статьи Кюхельбекера: «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности» (часть «Обозрения» написана В. Ф. Одоевским). Кюхельбекер писал об Измайлове: «А. Измайлов — также классик, простодушен, дуж, забавен, откровенен, не лишен веселости» (стр. 73).

¹⁹ Андрей Афанасьевич Н и к и т и н (род. в конце XVIII в. — ум. 1855) — преподаватель риторики, логики, поэзии, мифологии и русского сочинения в Горном кадетском корпусе, впоследствии статс-секретарь Государственного совета; был организатором и бессменным секретарем Вольного общества любителей российской словесности (или иначе: Общества соревнователей просвещения и благотворения).

²⁰ В дневнике И. И. Козлова за 1825 г. неоднократно отмечены посещения Кюхельбекера (К. Я. Г р о т. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906, стр. 12: записи от 12 мая и 12 июня); записи второй половины 1825 г. утрачены. Стихи Козлова в «Календаре муз» не появились.

²¹ Пушкин участия в «Календаре муз» не принимал; вряд ли Кюхельбекер и обращался к нему с просьбой о поддержке альманаха.

²² Яков Кузьмич К а й д а н о в (1779—1855) — профессор Медико-хирургической академии и ее ученый секретарь; совладелец бумажной фабрики.

²³ См. в настоящем томе обзор М. К. Азадовского (стр. 724).

²⁴ «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 622.

²⁵ Так Измайлов неизменно именует в своих письмах А. А. Бестужева (см. также: «Памяти декабристов», т. I, 1926, стр. 239—240, 242). Причиной озлобленного отношения к А. Бестужеву явился, возможно, пренебрежительный отзыв последнего о «Благонамеренном». В обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная звезда» на 1824 г.) Бестужев посвятил журналу Измайлова всего одну строку: «„Благонамеренный“ забавен для своего круга» (стр. 10). В следующем обзоре (1824 г.) «Благонамеренный» совсем не упомянут.

²⁶ «Русский архив», 1903, № 6, стр. 209.

²⁷ К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XL.

²⁸ Ю. Н. Т ы н я н о в. Пушкин и Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 341—342. В «Календаре муз» оно озаглавлено: «К Н.».

²⁹ К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 481.

³⁰ В № 36 «Благонамеренного» (1825) было дано объявление, гласившее, что «Календарь муз» уже «одобрен цензурою и вступил в печать. Книжка сия отпечатается в последних числах следующего месяца». Вслед за этим Измайлов писал П. Л. Яковлеву (1 декабря): «Посылаю тебе 35 и 36 № да образчики шрифтов, которыми набран будет наш альманах. Стихи уже набираются, но корректуры еще не получал, а когда получу, то перешлю к тебе и впредь пересылать стану». 24 декабря (в том же письме, в котором он подробно сообщал о восстании 14 декабря) Измайлов пишет: «Теперь занимаюсь одним только альманахом; раза по два и по три иногда в день бываю у Бирюкова и Смирдина — держу по 4 и 5 корректур в сутки; три или четыре наборщика набирают наш „Календарь муз“. Смирдин твердит беспреостанно: „оригинала, оригинала“ — точно как сорока Якова. Авось альманах наш выйдет к новому году». Но альманах не вышел и к этому сроку. 5 января Измайлов писал: «Альманах почти готов <...> Итак, до следующей почты. Тогда пришло и билеты, а теперь прилагаю несколько корректурных листиков». Объявление о продаже альманаха появилось лишь во 2 № «Благонамеренного» за 1826 г.

³¹ В обзоре ранних антидекабристских выступлений, сделанном Н. К. Пиксановым («Дворянская реакция на декабризм». — «Звенья», II, 1933, стр. 159—162), эти стихи не упомянуты.

³² Выдержки из этих писем см.: «Памяти декабристов», т. I, стр. 239—243; в последний раз упомянут Кюхельбекер в письме от 1 февраля 1826 г. Сам же поэт-декабрист всегда тепло вспоминал о своих встречах с Измайловым. Узнав о смерти Измайлова, Кюхельбекер записал в дневнике: «Покойник А. Е. Измайлов был истинно добрый мужик: я знал его очень хорошо, любил его и ему многим был обязан» («Дневник Кюхельбекера», стр. 124).